

ФЕСТИ

НИКИТА МИХАЛКОВ: "Только не путайте острое с белым"

мягким халатом. И ни на каком фестивале класса "А", кроме нашего, не запланирована возможность поехать в другой город, в провинцию. Мы же едем в Нижний Новгород... В общем, я не могу оценивать фестивали по десятибалльной системе. Как говорят, только не путайте острое с белым.

— Будете удивлять звезд Нижним Новгородом или Нижний Новгород звездами?

— Мы отправимся туда большой делегацией на два дня, повезем и наших звезд и ненаших. Покатаемся на парохе, сходим в Макарьевский монастырь... А нижегородцам я думаю показать фильм Глеба Панфилова "Романовы — венценосная семья", что очень важно — посмотреть, как провинциальный зритель на него отреагирует.

— Я слышала, открыть фестиваль мировой премьерой фильма Глеба Панфилова — ваша идея?

— Да, и я рад, что мне удалось ее осуществить.

— И некоторых гостей вы сами приглашаете? Кто ваши личные гости?

— Это не личные мои гости, просто я пользовался своими личными, товарищескими, что ли, отношениями с Дэннисом Холпером, в какой-то степени такие же отношения у меня с Квентином Тарантино, Ирен Жакоб... Может быть, приедет Орнелла Мути.

— В кинематографических кругах ходят слухи, что ваши отношения с Путиным переходят в ранг чуть ли не семейных. Это правда?

— Нет, я вообще очень далек от мысли переходить границы, за которыми возникают лишние сплетни. Я уважаю президента, я рад высказаться по тому или иному поводу, когда он меня спрашивает. У меня есть моя точка зрения, личная, по любому поводу. И мне очень, по-человечески, по-мужски, приятно, что он прислушивается. Есть люди, которые умеют слушать, но не слышат. Я сам таким бываю. Но когда мы общаемся с президентом, мне кажется, он не только слушает, но и слышит. И его точка зрения по любому поводу мне так же интересна. Я даже могу с ним не соглашаться, равно как и он. Но не надо за этим видеть сразу какое-то панибратство.

— Вы встречались, как говорят, без галстуков?

— Да.
— А в трудный момент борьбы Госкино за свою независимость при слиянии с Министерством культуры ваши отношения с властью сыграли свою положительную роль?

— Дело в том, что до решения этого вопроса у нас практически никаких отношений не было. Вы знаете, независимость определенного рода дает возможность высказываться по любому поводу и отстаивать свою точку зрения. Я не был согласен с тем решением, которое было принято. Оно было принято поспешно, но в то же время я абсолютно точно понимал, что ни-когда не будет отката. И в то же время я понимал, что для кино это губительно. Поэтому я попытался применить все возможные возможные средства, чтобы достучаться и как бы создать ту ситуацию, при которой я бы понял, что меня и моих коллег слышат. И нас услышали. А когда это случилось, мы поняли, что то компромиссное решение, которое в итоге возникло, пошло реально на пользу всем. Кроме того, власть поняла, что с позиции силы с нами разговаривать бессмысленно. Не потому что мы ее напугали и мы такие страшные. А потому что при подобном отношении она получит либо врагов, либо эмигрантов и диссидентов. Либо тех, кто, как вещь в себе, живет своею жизнью и ненавидит окружающий мир, либо тех, что "с Пал Иваннычем вдвоем, что прикажут, то поем". Мы это уже проходили. Мне показалось, что мы нашли тот метод общения, который не унижал ни власть, ни нас. Моя задача, как художника, заключалась в том, чтобы мы не продали свои идеи, замыслы и не наплевали на все, а добились того, чтобы не-

обходимый поступательный процесс возрождения киноиндустрии был безостановочным. А как это будет называться — Госкино, Роскино, — не важно, главное — независимость.

— То есть вы довольны?

— Безусловно. Я считаю, это серьезная, большая и очень зрелая победа всех.

— Никита Сергеевич, вы успеваете следить за новинками отечественного и мирового кинематографа? Что из программ нынешнего фестиваля вам удалось посмотреть, что вам понравилось?

— Как бы Господь так управляет, что я, сам того не ведая, действительно вижу или читаю то, что в данную минуту необходимо увидеть или прочесть. У меня нет времени специально ходить в кино. Я не могу, как киновед, скажем, приехать на Каннский фестиваль, посмотреть и проанализировать 60 картин. Но когда мне говорят "вот!" (конечно, зависит и от того, кто говорит), я нахожу возможность посмотреть. То же самое и с книгами... Пока же я видел не всю программу нашего фестиваля. Но постараюсь: что-то в зале посмотрю, что-то на кассете. Последняя отечественная картина, что я видел, мне показалась очень серьезной, это работа Учителя "Дневник его жены".

— Что же вы отдали ее на фестиваль в Карловы Вары, где она на днях прошла в конкурсной программе?

— Меня это изумило! Я только вчера об этом узнал, и я не знаю, как это могло произойти, мне это чрезвычайно больно и печально. Очень профессиональная и культурная картина, причем сделанная в тяжелых условиях, и это видно, ибо пространство так сжато, так все концентрировано. Это можно выдать и за манеру, но я-то вижу, что от нищеты. Выйти так достойно и профессионально из такого положения! Я получил огромное удовольствие от того, как сделана эта картина. Чрезвычайно жалею, что она не вошла в конкурс нашего фестиваля.

— Никита Сергеевич, а вы когда же начнете снимать новую картину? Говорят, вы готовите грандиозное полотно про Вторую мировую войну...

— Много всяких идей, они бродят, барражируют, варятся. Но для меня сейчас гораздо важнее выработать стратегию кинематографа. Я не наполеоновские планы излагаю, но надо развивать общую атмосферу доброжелательности, которая сейчас наконец появилась. Надо провести пленум по киноязыку, по молодежи, поразговаривать, повыпавать, попрощать и поизвиняться — надо создать ту атмосферу, которая неминусом должна передаться в страну. Нужно научиться на фольклорно-художественном языке объяснить людям то, что делает Путин. И это надо ему, и это надо нам. Я не говорю о том, чтобы превратить кино в агитпроп, нет. Но если мы будем смотреть только "Армагеддон" или "Матрицу", то потеряем культурное ощущение той земли, той культуры и той традиции, которая только нам принадлежит. Поэтому я считаю очень правильной идею госзаказа, причем не за счет бюджета Роскино, а имея в запасе 10—15—20 миллионов долларов, чтобы снимать костюмные, исторические картины. Прокат "Сибирского цирюльника" это подтвердил... Мне думается, что сегодня наш зритель испытывает очень большую нужду в отечественном кино — широком, масштабном, с крупными характеристиками, спектаклярном кинематографе и, конечно, качественном — со звуком Dolby Stereo, с Panavision, с роскошной пленкой. У нас в стране уже 80 современных кинотеатров, которые будут расхватывать такое кино... А мои планы? Их много — и война, и тайга (есть одна история про таежного охотника). И "Дмитрий Донской" почти написан. И история про Грибоедова готова, "Жизнь и гибель Александра Грибоедова". Главное сейчас — фестиваль.

Елена СКВОРЦОВА-АРДАБАЦКАЯ.

На его табличке в Российском фонде культуры написано: "Михалков Никита Сергеевич, президент". Он президент всего, чем он когда-нибудь решает заниматься. Причем не липовый, а настоящий, действующий. Он достойно держал удар президента, когда тот решил его слить с Минкультом. И он, как бы кто ни относился к этой ситуации, в ней выиграл. Он настоящий актер, он по-актерски искренен в том, что он делает. И кажется, что он всю жизнь снимает одно большое кино, которое так и называется "Моя жизнь", и он хороший режиссер этого фильма.

Наверное, излишне напоминать, что его почти нереально застать в Москве и тем более взять у него интервью, особенно накануне Московского кинофестиваля, президентом которого он является.

— Никита Сергеевич, а что вам интереснее: кино снимать или фестиваль делать?

С ходу, не раздумывая:

— Кино снимать. Но дело не в этом, мне интересно делать, меня процесс интересует больше, чем результат, хотя я к нему тоже стремлюсь. Я счастлив не когда получилось, а когда получается. Когда получается, это, наверное, и есть творчество, полет, ощущение радости. Я это очень ценю. Потом, когда ты уже включаешь все силы, когда ты спишь по четыре часа, когда, как в шахте, — только вперед, тогда нет времени думать: эх, хорошо бы сейчас снимать кино... Сейчас фестиваль отнимает все время, но мне вообще интересно со-зи-дать, когда есть команда, когда есть организм, который вращается, подчинен как бы единой идее, воле, — во всем этом есть, на мой взгляд, во-первых, творчество, во-вторых, азарт.

— А если бы у вас появилось вдруг и сразу много денег, на что бы вы их потратили: на кино или на фестиваль?

Пауза, причем весьма продолжительная, завершилась раздумьем вслух:

— Я бы потратил их... на-а... — и почти утвердительно, — на кино. Для того чтобы было что показывать на фестивале. Все-таки производство и возрождение киноиндустрии — вопрос первоочередной. Какой может быть фестиваль, когда у нас нет кинематографа? Зато у нас фестивалей расплодилось больше, чем фильмов... Конечно, фестиваль — праздник, но это и работа: общение с людьми, кино. Надо сделать так, чтобы все варилось, чтобы люди обсуждали фильмы, ругались, мирились-целовались, гуляли-выпивали, чтобы все существовало единым механизмом, который катится от начала до конца фестиваля. Принцип фестиваля от слова "фест" — праздник, не праздность, но праздник.

— Вот вы только что сказали, что нет кинематографа. Но что-то же происходит, снимается. Если взять простейшую десятибалльную систему, то какую оценку вы поставите нынешнему отечественному кино? И какое место по такой же шкале вы отводите Московскому фестивалю в мировой табели о рангах?

— Что касается нашего кинематографа, то он болеет еще. И за редким исключением это крепкая "тройка". Если говорить о фестивалях, то очень трудно разбивать их на ранги. Существует общепринятое мнение, что Каннский фестиваль — директор, герой и царь всех фестивалей. Да, это большой фестиваль, на который съезжаются звезды первой величины, да, он дает дивиденды тем, кто снимал или продюсировал фильмы, отмеченные на фестивале. У него есть свое лицо. Но у Венецианского фестиваля, скажем, тоже есть свое лицо, отличное от Каннского, и оно не хуже, оно просто другое. Конечно, нам далеко до них, и сбоев у нас предостаточно. С другой стороны, у Московского фестиваля есть своя атмосфера — с его домашностью, нечопорностью, гостеприимством, с такими, я бы сказал, обломовскими тапочками и

ПРЕЗИДЕНТ
ВСЕГО
КИНО

